

ные районы были настолько связаны с экономикой города, что аннулирование сделок имело бы тяжелые последствия для товарного обращения в целом. Земельные участки, находившиеся в окрестностях города, представляли собою бóльшую ценность, чем провинциальные, и являлись поэтому особенно важными для покупателей-горожан. Поэтому земли, приобретенные в подгородном районе, не возвращались бедняку.

Стоит отметить, что данное толкование Евстафия само по себе не вытекает ни из новеллы Константина Багрянородного (949 г.), ни из новеллы Василия II (996 г.). Но, очевидно, городская знать сумела внести соответствующее разъяснение, опираясь на то, что новеллы императоров имели в виду только фемные районы, и не могли относиться к 100-мильной полосе вокруг Константинополя.

Характерно, что по Книге епарха перекупка скота разрешалась только за рекой Сангарий. Это совершенно понятно: коль скоро скупка с целью спекуляции запрещалась в пределах города, то этот порядок действовал и в пригородной полосе. Но за пределами 100-мильной полосы закон, действительный для города, уже не имел силы²⁵. Таким образом, правопорядки столичного района имели некоторые особенности в сравнении с провинцией.

Подгородные районы существовали и вблизи других больших городов. Конечно, на них не распространялось положение о 100-мильной полосе, но, тем не менее, пригороды и подгородные деревни, имения и монастыри в окрестностях больших городов, находясь в тесной экономической связи с городом, составляли с ним как бы единое целое. Особенно ярко это можно проследить на примере Фессалоники — самого крупного после Константинополя города.

Иоанн Камениата (X в.), описывая окрестности Фессалоники, отмечал, что, с одной стороны, они представляли собой пышные сады, виноградники, со множеством подгородных монастырей, с другой — участки пахотной земли — *πάσης δὲ γεωργικῆς ἐπιμελείας ἐπιτηδεύσιν παρεχόμενον*²⁶, где жили подгородные крестьяне: *τὸ δὲ πεδίον ἀνεῖται τοῖς γεωργοῖς*. Полоса вокруг города в источниках IX—X вв. называлась *πᾶσα περίοικος*²⁷.

Иногда земли вокруг города (независимо от того, идет ли речь о столице или о провинциальном городе)²⁸, связанные с ним в хозяйственном отношении, назывались проастями. Дословный славянский перевод слова проаствий — предградье. Вместо слова проаствий иногда употребляется описательное выражение *πρὸ ἄστεως χωρίον*²⁹, что подчеркивает этимологическое значение данного слова.

Неоспорима преемственная связь византийского проаствия с римским *suburbium*. Проаствий (с точки зрения его экономического значения) — категория рабовладельческого хозяйства. В Римском государстве крупный или мелкий рабовладелец, постоянным местопребыванием которого являлся город, жил за счет труда своих рабов, работавших в *suburbana*. Именно хозяйства субурбийев фактически обеспечивали всем необходимым всякий большой город, в частности Рим. Субурбий был тесно связан с экономикой города³¹. В *suburbana* позднеримского времени работали

²⁵ Книга епарха, XV, 3.

²⁶ PG, t. 109, col. 533.

²⁷ PG, t. 105, col. 312.

²⁸ ὁ δὲ Καρδαρίγας καταλαβὼν τὴν Μαρτυροπόλιν ταύτης τὰ προάστια ἐμπρήσας πάντα ὑπέστραψεν. The orphanis Chronographia, ed. C. de Boor, 1883, p. 254.

²⁹ Μ. Ψέλλος. Ἱστορικοί λόγοι καὶ ἐπιστολαί... Μεσαιωνικῆς βιβλιοθήκης, т. V, ἐκδιδ. ὑπὸ Κ. Σαδᾶ, Ἀθήναι, 1878, σ. 214.

³⁰ Об экономической роли субурбия в римское время см. М. Е. Сергеевко. Сельское хозяйство италийских *suburbana*. ВДИ, 1955, № 1, стр. 31 и сл.